

К Р О К О Д И Л

Так мы представляем себе ближайшее будущее одной из московских площадей.

Рис. Л. Бродаты

Рис. К. Елисеева

Бурное собрание классиков о полном собрании классиков.

Антон Павлович

ЧЕХОВА нет, а мы еще полны воспоминаниями о нем.

Тут, на Малой Дмитровке, он жил еще совсем недавно. На улице встречаешь людей, с которыми был знаком и даже дружил Чехов. Сидя в Художественном театре и глядя на белую чайку, обязательно вообразишь себе, что здесь, непременно на этом самом кресле, сидел Чехов во время первого представления «Трех сестер» или «Дяди Вани» и волновался. А когда внизу старый капельдинер в золоченом пенсне, представительный и вежливый, как Чемберлен, снимает с вешалки твое пальто, не можешь не подумать, что именно этот капельдинер, тогда черноусый и розовощекий, подавал пальто Чехову со словами: «Давненько у нас не были, Антон Павлович». Входишь в ялтинский скромный-прескромный чеховский домик и видишь его вещи, аккуратно разложенные на письменном столе: разрезной ножик, докторский стетоскоп, чернильный прибор, — и кажется, что эти вещи все еще хранят теплоту чеховских пальцев. На стене висит деликатнейший печатный плакатик: «Простят не курить». И вдруг представляешь себе глубокую ялтинскую осень. Дует норд-ост, по синему крымскому небу быстро несутся облака, днем и ночью шумят субтропические восковые листья магнолий, по узенькой и грязной Аутской улице с грохотом проезжает татарская арба, в мокром саду на зеленой скамейке (вы и сейчас можете посидеть на ней, дожидаясь, пока из дома уйдет очередная экскурсия) сидит Антон Павлович в драповом пальто и низкой барашковой шапке. Он играет палочкой с собаками, которых назвал Хинна и Бром. С моря приходит туман, закрывает город, потом уходит обратно в море, рыжеватый, клубящийся, как пороховой дым, потом снова возвращается в город, и из порта несутся католические звуки колокола. Последняя осень в жизни Антона Павловича!

Ежедневно, ежечасно так или иначе вспоминают в нашей стране Чехова.

— Иван Федорович? Да ведь это вылитый унтер Пришибеев!

— Наталья Николаевна, ну, такая, знаете, типичная чеховская душечка!

— Помните, у Чехова, дьячка, который на именинах всю икру с'ел? Так вот под выходной...

— Тянули мне вчера зуб в амбулатории. Ну прямо-таки чеховская хирургия!

— В Москву, в Москву, как говорил Антон Павлович.

— Опять юбилей! Опять «тлубокоуважаемый шкаф» начнется!

— Боже ты мой, калоши забыл! Двадцать два несчастья!

Знают и любят все, что написал Чехов. И с каждым годом все больше знают и больше любят.

Телеграфист Ять и Мерчулкина, старый Фирс и профессор Серебряков, садовод Песочный и милая Мисюся, приказчик Початкин и Епиходов, сановник Орлов и писатель Тригорин — все это не просто действующие лица, а острые, отчетливые, запоминающиеся на всю жизнь характеры. И, что самое замечательное, их можно привести еще сотню. Во всем, что создал Чехов, нет ни одной неясной фигуры, которая расплывалась бы в сознании читателя, которая была бы раз и навсегда забыта. Даже самое маленькое действующее лицо, произносящее в рассказе или пьесе всего лишь одну фразу, и то запоминается на всю жизнь, как запоминаются чеховские сюжеты, отдельные словечки или смешные фамилии. Скольких героев из толстых романов с красивыми, благородными фамилиями (из тех, какие актеры любят брать себе в псевдонимы) русский читатель забыл, а вот маляра Редьку с его сентенцией «ржа ест железо, а лжа — душу» или мальчишка Паву, который на приглашение «Павла, изобрази» отвечал «Умри, несчастная!», забыть невозможно.

С каждым днем проясняется образ Чехова, светлеет, теплеет, становится значительнее.

Сначала видели в нем лишь автора маленьких юмористических рассказов, которые, види-

те ли, — «не литература». Потом Чехов превратился в «певца русских сумерек». Как ненавидел Чехов эти бездарные и пошлые ярлыки! Как ненавидел Чехов вообще всяческую пошлость, как тонко различал он ее, с какой тщательностью исследовал и препарировал на своем письменном столе!

Мог ли думать Чехов, что через какие-нибудь тридцать лет его Беликовым, гениально найденным и вытасканным на свет, Иосиф Виссарионович Сталин будет бить врагов народа, врагов коммунизма!

То, что было принято называть у Чехова «мягким юмором», оказалось юмором гневным, обличительным.

Да и сейчас еще найдется немало людей, которые повторяют банальнейшие фразы: «мягкий чеховский юмор», «печальный чеховский смех», и прочее, и прочее.

Нет! В нашем сознании живет и будет жить не такой Чехов. Живет и будет жить Чехов веселый, Чехов гневный, Чехов решительный и, если хотите, беспощадный в своем творчестве.

Для нас, строящих государство коммунизма, Чехов — верный друг и помощник. Потому что коммунизм — это враг всякой пошлости, в какую бы тогу эта пошлость ни рядилась. Чехов учит нас, как отыскивать пошлость, как классифицировать ее, бороться с ней и уничтожать ее.

Когда-то Чехов сказал, что ему всю жизнь приходилось по капле выдавливать из себя раба. Рабов выдавила из нас одним своим великим взмахом социалистическая революция. А вот выдавливать из себя по капле стяжателя, клеветника, подхалима, самовлюбленного комчвана и пошляка мы должны постоянно, упорно, из месяца в месяц, изо дня в день.

И сделать это нам поможет юмор, тот юмор, на котором, как на цементе, крепко держалось все гениальное творчество Антона Павловича Чехова.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ